

Четырнадцатая речь.

Заключение целого

Речи, которые я сегодня завершаю, обращали свой громкий голос, конечно, прежде всего к Вам, но они имели в виду всю немецкую нацию, и в своем намерении собирали вокруг себя в том зале, где зримо пребывали Вы, всех, кто способен был бы понять их на всем пространстве, где звучит немецкая речь. Если бы удалось мне заронить в чье-нибудь сердце, бывшее здесь предо мною, искру, которая бы пылала в нем и ожила, то я никак не желал бы, чтобы они остались одни и одиноки, но я хотел бы собрать и соединить с их настроением и решением подобные им настроения и решения по всей нашей общей земле, чтобы по всему нашему отечеству, до самых дальних его пределов, возгорелось из этого средоточия одно-единственное текучее и слитное пламя патриотического образа мысли. Эти речи предназначали себя в этой эпохе не для того, чтобы послужить времяпрепровождением для праздных ушей и глаз, но я хочу знать, наконец, – и пусть узнает это вместе со мною каждый, кто думает так же, – есть ли и вне нас что-нибудь родственное нашему образу мысли. Каждый немец, который все еще верит, что он есть звено одной нации, который знает ее величие и благородство, надеется на нее, рискует, терпит и страдает для нее, должен наконец избавиться от нетвердости этой своей веры; он должен ясно видеть, прав ли он в этой вере или он только глупец и мечтатель; он должен отныне или продолжать свой путь с уверенным и радостным сознанием своей правоты, или с бодрой решимостью отказаться от всякого земного отечества, и утешать себя только верой в небесное отечество. К ним, не как к тем или иным частным лицам в нашей обыденной и ограниченной жизни, но как к представителям нации, а через посредство их органов слуха – ко всей нации, эти речи взывают так:

Столетия канули в Лету с тех пор, как вас в последний раз созывали всех вместе, как сегодня; в таком множестве; по столь великому, столь насущному, столь общему для всех вас делу; столь безусловно как нацию и как немцев. И никогда впоследствии к вам не станут обращаться вновь таким же образом. Если вы не прислушаетесь и уйдете в себя, если вы позволите этим речам пройти мимо вас, как пустому раздражению слуха, или как какой-то редкостной диковине, то ни один человек не станет более полагаться на вас. Услышьте, наконец, хоть теперь; одумайтесь, наконец, хоть теперь. Не сходите на этот раз с места, не приняв в самих себе твердого решения; и пусть каждый, кто слышит этот голос, примет это решение в самом себе и для себя самого, как если бы он был один на свете, и должен был делать все в одиночестве. Если только довольное множество людей станет думать так, то явится великое целое, слитое в одну тесно сплоченную силу. Если же каждый, сделав исключение для себя самого, понадеется на других, и предоставит другим решать это дело; то никаких других для него не будет вовсе, и все вместе взятые останутся такими же, как были прежде. – Примите же немедленно это решение. Не говорите: «дай нам еще немного отдохнуть, еще немного поспать и помечтать, пока улучшение не придет к нам само собою».

Само собою оно не придет никогда. Кто, упустив вчерашний день, который был бы намного удобнее, чтобы прийти в чувство, не в силах желать этого даже сегодня, тот завтра сумеет сделать это еще того меньше. Всякое промедление только делает нас еще ленивее, только еще глубже усыпляет нас в любезной привычке к нашему жалкому состоянию. Да и внешние поводы к тому, чтобы нация наконец опомнилась, едва ли будут когда-нибудь сильнее и насущнее. Кого не побуждает к этому наша современность, тот наверняка утратил всякое человеческое чувство. – Мы призываем вас принять последнее и твердое решение и постановление; отнюдь не к тому, чтобы отдать приказ, поручение, или предъявить требование другим, но предъявить такое требование самим себе. Вы должны принять решение, которое каждый из вас может исполнить только сам, собственной своей персоной. При этом недостаточно лишь праздного намерения, этого желания захотеть когда-нибудь впоследствии, этого косного довольства тем, что, если мы когда-нибудь сами собою станем лучше, нам придется-де только принять это и покориться судьбе; но от вас требуется такое решение, которое то же время непосредственно есть жизнь и внутреннее деяние, и которое живет и правит нами, не колеблясь и не охладевая, пока не приблизится к цели.

Или, может быть, в вас совершенно уничтожен и исчез тот корень, из которого только и может произрасти подобное вторгающееся в самую жизнь решение? И все существо ваше действительно и в самом деле размякло и растеклось, став пустой тенью без соков, без крови, без собственной силы движения; и сновидением, в котором хотя и рождаются порою пестрые облики, и хлопчут, и пересекаются, и сталкиваются, но тело продолжает лежать подобно мертвецу, застывшее и неподвижное? Нашей эпохе уже давно открыто говорили, и на все возможные лады повторяли, что о ней составилось приблизительно такое мнение. Вожаки эпохи полагали, что говорящие так хотят только ругаться, и считали эту ругань вызовом для себя, чтобы и со своей стороны тоже хулить и ругать, и таким образом, как они думали, все опять возвратится к естественному порядку. В остальном незаметно было ни малейшего изменения или улучшения. Если вы это слышали, если это смогло вызвать в вас негодование, – так накажите же ложь тех, кто думает и говорит о вас такое, самым делом; покажите всему миру, что вы не таковы, и тогда эти люди, перед всем миром, будут уличены во лжи. Быть может, они говорили о вас столь сурово именно с тем намерением, чтобы вы их подобным образом опровергли, и потому, что отчаялись в успехе всех прочих средств для того, чтобы побудить вас к действию! Насколько же лучшего они в таком случае мнения о вас, чем те, кто льстит вам, чтобы удержать вас в косном покое бездействия и в ничего не уважающем безмыслии!

Но как бы слабы, как бы бессильны вы ни были, в наше время ясное и спокойное осмысление сделалось таким легким делом, каким не бывало никогда прежде. То, что собственно и повергало нас в путаницу понятий о нашем положении, в наше безмыслие, в наше слепое попустительство, было наше сладостное довольство самими собой и нашим образом существования. Так это шло до сих пор, и так продолжалось без конца; тому, кто призывал нас к размышлению о себе, мы вместо всякого другого опровержения торжествующе указывали на наше существование и прозябание, совершавшееся без всяких с нашей стороны размышлений. Но это сходило только потому, что нам не встречалось никакого испытания. С тех пор мы прошли через испытания. И с тех пор иллюзии, наваждения, лживые утешения, которыми все мы сбивали с толку друг друга, должны бы были все-таки разрушиться? Наследственные предрассудки, которые, не исходя из какого-нибудь одного

края земли, распростиравались над всеми подобно некому естественному туману, и погружали все умы в одинаковые сумерки, должны бы были теперь все-таки исчезнуть? Сумерки более не сдерживают нашего взора; но они не могут более служить и извинением для нас. Теперь стоим мы, чистые, пустые, обнаженные от всех чуждых покровов и завес, просто такие, каковы мы сами и есть. Теперь должно выясниться, что есть, или что не есть, эта наша самость. Может быть, выступит кто-нибудь из вашей среды и спросит меня: «что дает именно тебе, единственному из всех немецких мужей и писателей, особенное задание, призвание и привилегию, собирать нас и настойчиво призывать нас к чему-то? Разве каждый из тысяч писателей Германии не имел бы на это такого же права, как и ты? Но никто из них не делает этого, и только ты один вылезает вперед со своей речью?» Я отвечаю: конечно же, каждый имел бы такое же право сделать это, как и я, и я делаю это именно потому, что никто из них не сделал этого прежде меня: и я смолчал бы, если бы другой уже сделал это раньше. Таков был первый шаг к цели радикального исправления человека, кто-нибудь должен был сделать этот шаг. Я был тем, кто первым живо постиг его необходимость; поэтому я стал тем, кто первым сделал его. После этого шага какой-нибудь шаг будет вторым; все имеют сегодня одинаковое право сделать этот шаг; но действительно сделает его опять-таки лишь один человек. Кто-то один всегда должен быть первым, и кто может быть первым – пусть будет им!

Не заботясь об этом обстоятельстве, задержите ненадолго ваш взгляд на том рассуждении, к которому мы подводили вас уже и прежде, – сколь завидно было бы состояние Германии, и всего мира, если бы Германия сумела воспользоваться счастливыми сторонами своего положения и осознать свою собственную выгоду. Остановите затем взгляд ваш на том, чем стали они ныне – Германия и весь мир, – и проникнитесь вполне той мукой и досадой, которые должен испытать благородный человек, видя все это. Обратите потом взгляд на самих себя, и узрите, что это вас наше время хочет избавить от заблуждений прежних эпох, это с ваших глаз оно снимет пелену тумана, если только вы сами позволите это сделать; что вам, как ни одному поколению прежде вас, дано сделать бывшее небывшим и стереть бесславный отрезок времени из книги истории немцев.

Пусть пройдут перед вашими глазами различные состояния, между которыми вам предстоит ныне сделать выбор. Если вы и дальше будете ходить в той же тупости и неосмотрительности, то вас ожидают, прежде всего, все беды рабства: лишения, унижения, насмешки и высокомерие победителя; он будет гнать вас из всех закоулков, потому что всюду вы ему неужодны, всюду вы у него на дороге, – пока, пожертвовав своей национальностью и своим языком, вы не купите себе какого-нибудь незначительного местечка, и пока ваш народ не исчезнет таким образом вовсе с лица земли. Если же вы пересилите себя и одумаетесь, то найдете, прежде всего, сносное и почтенное существование, и увидите, как среди вас и вокруг вас расцветает поколение, которое обещает оставить по себе самую славную память о вас и о немцах. Вы увидите в духе, как, благодаря этому поколению, имя немца возвысится и станет славнейшим среди всех народов, увидите, как эта нация станет возродительницей и восстановительницей всего мира.

От вас зависит, хотите ли вы стать концом и последними побегам поколению, недостойного уважения потомков и даже презираемого сверх всякой меры потомками, в истории

которого, – если только в том варварстве, которое начнется потом, возможна будет какая-нибудь история, – потомки возрадуются, если им придет конец, и восхвалят справедливость судьбы; или вы хотите быть началом, и точкой развития нового, прекрасного сверх всяких ваших представлений времени, и теми, с кого потомки начнут летосчисление своего блаженства. Подумайте о том, что вы – последние, в чьей власти совершить эту великую перемену. Ведь вы еще слышали, как немцев называли единым народом, вы видели и зримый знак их единства – империю и имперский союз, или слышали о них, среди вас еще раздавались временами голоса, воодушевленные этой высшей любовью к отечеству. Те, кто придут после вас, привыкнут к другим представлениям, воспримут чужие формы, усвоят иной образ жизни и ведения дел; и много ли пройдет времени, пока не останется в живых ни одного человека, который бы видел немцев или слышал о них?

То, чего здесь от вас требуют – совсем немного. Вам нужно только взять на себя труд ненадолго собраться с мыслями и подумать о том, что непосредственно и очевидно находится у вас перед глазами. Вам нужно только составить себе об этом твердое мнение, остаться верным этому мнению в жизни, и выражать и высказывать это мнение также в своем ближайшем окружении. Мы предполагаем, мы убеждены и уверены, что результаты этого мышления окажутся одинаковы у всех вас, и что, если только вы действительно подумаете, а не пройдете мимо с прежней невнимательностью, вы будете мыслить согласно друг с другом; что, если только вы вообще усвоите себе дух, а не закоснеете в сугубо растительной жизни, то единомушие и согласие духа придут к вам сами собою. Но если это случится, то само собою последует и все прочее, что нам необходимо.

Но этого мышления мы и в самом деле требуем от каждого из вас, кто еще может мыслить лично сам о чем-то находящемся прямо у него перед глазами. У вас есть на это достаточно времени; события минуты не оглушат вас, не застанут вас врасплох; протоколы переговоров, которые с вами ведут, – перед вами; не выпускайте их из рук, пока сами не придете к единству между собою. Не позволяйте, о не позволяйте только склонить себя к беспечной вялости, полагаясь на других, или на что бы то ни было вне вас самих существующее; или прислушавшись к несмыслящей мудрости нашего времени, твердящей, что эпохи сделаются сами, без всякого содействия людей, какой-нибудь неведомой силой. Эти речи не уставали напоминать вам, что решительно ничто не может помочь вам, кроме вас самих, и они находят нужным повторять это до последней минуты. Пусть дожди и росы, неурожай и урожай вызывает неведомая нам и неподвластная нам сила; но совершенно своеобразное время людей, человеческие отношения, создают себе только сами же люди, и этого не может создать вовсе никакая сила, вне их находящаяся. Только если все они вместе одинаково слепы и невежественны, они достаются в жертву этой сокровенной силе; однако от них зависит не быть слепыми и невеждами. Хотя то, в большей или в меньшей степени постигнут нас бедствия, зависит, вероятно, отчасти от этой неведомой силы, но в особенности от разума и доброй воли тех, чьей власти мы ныне подчинены. Но то, пойдут ли когда-нибудь снова на лад дела в нашем отечестве, – всецело зависит исключительно от нас, и никакое благоденствие наверняка никогда так и не вернется к нам, если мы не создадим его себе сами; и особенно, если каждый из нас не станет на свой манер действовать и поступать так, как если бы он был один, и как если бы только от него одного зависело благо и спасение будущих поколений.

Вот что вы должны сделать; сделать это без промедления, заклиняют вас эти речи⁵³.

Они заклиняют вас, юноши. Я, который уже давно перестал быть одним из вас, убежден, и я высказывал это свое убеждение и в этих речах, что вы все еще более способны ко всякой мысли, выходящей за рамки обыденного, и все еще более чутки ко всему дельному и доброму, потому что возраст ваш еще недалек от лет детской невинности и естественности. Но совершенно иначе смотрит на эту основную вашу черту большинство старших. Они упрекают вас в дерзости, в торопливости, самонадеянности суждений о том, что превосходит меру ваших сил, в несговорчивости, в страсти к нововведениям. И однако, они только добродушно усмеваются всем этим вашим ошибкам. Все это, полагают они, происходит только от недостаточного знания света, т. е. знания общечеловеческой испорченности, – ведь у них нет глаз, чтобы видеть в мире что-нибудь другое. Теперь только, надеясь найти себе единомысленных помощников, и не знаете, какое яростное, упорное сопротивление противопоставит свет вашим проектам улучшения, – теперь только, думают они, вы смелы и решительны. Но как только угаснет молодое пламя вашего воображения, как только вы сами почувствуете в полной мере, как сладко идти по жизни привычной колеи: тогда-де пропадет у вас охота быть лучше и умнее всех прочих людей. Эти благие надежды на вас они взяли не с потолка; они нашли подтверждение им в самих себе. Им приходится сознаться, что в дни своей несмышленной юности они и сами так же, как и вы теперь, мечтали исправить весь мир; однако, с годами зрелости они стали такими смирными и спокойными, какими вы теперь их видите. Я им верю; я сам на своем не очень продолжительном опыте испытал, как юноши, подававшие поначалу иные надежды, впоследствии однако в полной мере оправдывали эти благомыслящие ожидания зрелого возраста. Не делайте этого больше, юноши, ибо иначе как же сможет начаться новое, лучшее поколение? Пусть очарование юности спадет с вас, и пламя воображения не сможет уже питаться самим собою; но возьмите это пламя и сгустите его ясным мышлением, усвойте себе искусство этого мышления, и вы получите еще в придачу лучшее украшение человека – характер. Это ясное мышление будет для вас источником вечного цветения юности; пусть состарится ваше тело и ослабеют колени, но дух ваш будет каждый раз возрождаться все в новой свежести, и характер ваш будет тверд и неколебим. Воспользуйтесь же немедленно представляющимся вам здесь случаем; подумайте ясно о том предмете, который мы выносим здесь на ваш совет; ясность, которая начнется в вас в одной точке, распространится постепенно и на все остальные.

Эти речи заклиняют вас, старцы. О вас думают именно так, как вы только что слышали, и говорят это вам в лицо; и сам оратор откровенно прибавляет от себя, что, – не считая исключений, случающихся впрочем нередко и тем более заслуживающих почтения, – думающие так о большинстве из вас бывают совершенно правы. Обратитесь к истории последних двух или трех десятилетий: все, кроме вас самих, согласны в том, – да и вы, каждый в той области, которая не касается непосредственно его самого, согласны тоже, – что, если опять-таки не принимать в расчет исключения и говорить только о большинстве, во всех отраслях, в науке, как и в делах практической жизни, гораздо больше непригодности к делу и эгоизма обнаруживали люди пожилые. Все современники могли видеть, что каждый, кто хотел чего-нибудь лучшего и совершеннейшего, должен был, кроме борьбы с неясностью в самом себе и со всем прочим, что его окружает, вести еще и тяжелейшую борьбу с вами; что вы были твердо намерены не дать пробиться ничему

такому, чего бы вы точно так же не делали и не знали сами; что вы почитали всякое свободное движение мысли оскорблением для вашего разума и не оставили втуне никакую силу, чтобы только победить в этой борьбе против лучшего, как вы, обыкновенно, и в самом деле одерживали победу. И так вы были сдерживающей силой на пути всякого улучшения, какое ни предлагала нам благостная природа из своих вечно юных недр, до тех пор, пока не обратились вы в тот прах, которым были уже и прежде, и пока следующее поколение, в войне с вами, не уподобилось вам самим и не переняло у вас вашего прежнего образа действий. Поступайте же и теперь так же, как поступали вы прежде в ответ на все предложения улучшений, предпочтите опять вашу суетную честь – чтобы не было ничего между небом и землею, чего бы вы еще не исследовали, – общему благу всех; и тогда эта последняя борьба избавит вас от необходимости бороться за что-нибудь впоследствии; тогда не будет никаких улучшений, а будет только ухудшение за ухудшением, так что вам еще будет чему порадоваться в жизни.

Не думайте только, будто я презираю и принижая старость, как таковую. Если только деянием свободы человек воспринял в свою жизнь источник изначальной жизни и ее вечного движения, то ясность, а с нею и сила, будет расти и расти в нем, пока продолжается жизнь. Такая жизнь живет все лучше, персть земного происхождения отпадает все более и более, и жизнь облагораживается, восходя к вечной жизни, и расцветает в ожидании вечности. Опыт подобной старости не примиряет нас со злом, но только яснее раскрывает перед нами средства и делает нас искуснее в умении победоносно бороться с этим злом. Ухудшение духа с приближением старости – это только вина нашего времени, и оно должно непременно наступить повсюду, где общество бывает весьма испорчено. Нас портит не природа – природа рождает нас невинными, – нас портит общество. Кто раз предаст себя на произвол его влияния, тот естественно должен будет становиться все хуже и хуже, чем дольше он будет подвержен этому влиянию. Стоит труда, вероятно, исследовать в этом отношении историю других весьма испорченных эпох и посмотреть, не становилось ли, например, и под властью римских императоров, все хуже и хуже с приближением старости то, что уже было дурно вначале.

А потому вас, старцы и опытные люди, которые составляют исключение из общего правила, – вас прежде всего заклиняют эти речи: утверждайте, укрепляйте, помогайте советом в этом деле миру молодости, который благоговейно обращает к вам свои взгляды. Но вас, прочие, живущие по прежнему правилу, эти речи заклиняют: не нужна вашей помощи, не мешайте только в этот единственный раз, не станьте вновь, как это всегда было прежде, на пути изменений с вашей премудростью и с тысячей своих сомнений. В этом деле, как во всяком разумном деле на свете, нет этой тысячи, оно просто, – и это еще одна из тысячи вещей, которых вы не знаете. Если бы ваша премудрость могла нас спасти, она бы уже спасла нас раньше, ведь не кто иной как вы давали нам прежде советы. Это, как и все прочее, мы простили вам, и никто не станет более ставить вам этого на вид. Научитесь только наконец познавать самих себя, и молчите.

Эти речи заклиняют вас, коммерсанты. До сих пор вы, за немногими исключениями, были в душе своей врагами отвлеченного мышления и всякой науки, которая желала быть чем-то сама по себе, хотя вы и делали вид, будто питаете ко всему этому только благородное презрение. Вы, как только могли, старались держаться подальше от тех людей, которые

занимались такой наукой, и от их предложений; и величайшая благодарность, на которую они обыкновенно могли рассчитывать от вас, – было обвинение в сумасшествии или совет отправить вас в дом умалишенных. Ученые же, со своей стороны. Хотя и не осмеливались высказываться о вас с такой же откровенностью, потому что они зависели от вас, но подлинное мнение их о вас в тайне сердца было таково: что вы, за немногими исключениями, – пустые болтуны и надменные хвастуны, недоучки, лишь мимоходом побывавшие в школах, слепо бредущие и плетущиеся по старой колее, не желающие и не могущие ничего другого. Накажите их ложь самым делом, если они лгут, и воспользуйтесь для этого предлагаемым вам сейчас случаем; отложите свое презрение к основательному мышлению и науке, прислушайтесь, услышите и научитесь тому. Чего вы не знаете; в противном случае ваши обвинители окажутся правы.

Эти речи заклиняют вас, мыслители, ученые, писатели, которые еще достойны этого имени. Упомянутые сейчас упреки коммерсантов по вашему адресу были, в известном смысле, не лишены основания. Вы часто слишком беззаботно оставались в области чистого мышления, не тревожась судьбой действительного мира и не справляясь о том, как можно было бы соединить эту область мысли с действительностью; вы описывали друг другу свой собственный мир, и оставляли мир действительный в стороне, чрезмерно им пренебрегая и презирая его. Правда, всякий порядок и устройство действительной жизни должны исходить от высшего упорядочивающего понятия, а движение по привычной колее не даст жизни строя и порядка; это – вечная истина, и она именем Божиим повергает ниц и предаёт нескрываемому презрению всякого, кто осмелится заниматься торговлей, не зная об этом. Но между понятием и введением его в особенную жизнь каждого человека лежит великая пропасть. Заполнить же эту пропасть – это и дело коммерсанта, который, конечно же, уже и прежде учился достаточно для того, чтобы понимать вас, – и ваше собственное дело, ибо вы не должны забывать о жизни ради вашего мира идей. Здесь вы оба встречаетесь. И пусть лучше, вместо того чтобы подозрительно коситься друг на друга через эту пропасть и унижать друг друга, каждый из вас приложит старание, чтобы заполнить со своей стороны эту пропасть, и проложить таким образом путь к соединению. Поймите же наконец, что вы оба необходимы другу так же, как необходимы друг другу голова и руки.

Эти речи заклиняют вас, мыслители, ученые, писатели, которые еще достойны этого имени, еще и в других отношениях. Пусть ваши жалобы на всеобщую поверхностность, безмыслие и рассеянность, на самомнение учености и неиссякаемую болтовню, на презрение всех сословий к серьезности и основательности, справедливы, – каковы они и есть действительно. Но какое же сословие воспитало все эти сословия, и превратило для них все научные занятия в игру, и с самой ранней юности поощряло в них эту мнимую ученость и эту пустую болтовню? Кто же это продолжает и ныне воспитывать даже и те поколения, которые уже вышли из ученических лет? Самая очевиднейшая причина тупости нашей эпохи заключается в том, что она до отупения начиталась написанных вами ученых трудов. Почему же все-таки вы по-прежнему так усердно заботитесь о том, чтобы дать новое развлечение уму этого праздного народа, хотя вам и известно, что он ничему не научился и не желает ничему учиться; называете его публикой, льстите ему титулом вашего судьи, натравливаете его на ваших соперников, и всеми средствами пытаетесь привлечь на свою сторону эту слепую и путаную толпу; для чего, наконец, сами даете ему в ваших рецензионных заведениях и журналах и материал, и образец для его страсти к

опрометчивым и скороспелым суждениям, потому что судите в них так же бессвязно, наудачу и по памяти, и по большей части так же пошло, как мог бы судить и последний из ваших читателей? Если не все вы думаете так, если среди вас еще есть люди более благородного образа мысли, то почему же эти благомыслящие не объединятся, чтобы положить конец бедствиям? Что касается в особенности молодых коммерсантов, то они прошли вашу школу, вы сами это говорите. Почему же они не воспользовались этим пребыванием их в ваших школах по крайней мере для того, чтобы внушить им некоторую степень немого уважения к наукам, и сломить самомнение хотя бы в юношах благородного происхождения, и показать им, что сословие и происхождение не означает никакого преимущества в делах мысли? Может быть, вы уже тогда льстили им и неподобающим образом выделяли их среди прочих учеников, – так терпите же теперь то, чему вы сами были причиной!

Они, эти речи, хотели бы оправдать вас, допустив, что вы не понимали всей важности своего дела; они заклинаят вас с этой же минуты признать вполне эту важность его, и никогда не исполнять его отныне как простое ремесло. Научитесь уважать самих себя, и покажите своим поведением, что вы себя уважаете, тогда и мир станет уважать вас. Первое же доказательство этого вы представите тем, что станете усердно влиять на предлагаемое здесь всем волевое решение, и тем, как вы поведете себя при этом решении.

Эти речи заклинаят вас, князя Германии. Те, кто создает у вас впечатление, будто народу вовсе не позволено говорить вам что-нибудь, или будто ему нечего вам сказать, – презренно льстят вам и злобно клеветают на вас же самих; гоните их прочь от себя. Истина состоит в том, что вы рождаетесь таким же невежественными, как и все мы, прочие люди, и что если вы должны когда-нибудь выйти из этого естественного невежества, вам нужно слушать других и учиться у них, так же точно, как и нам. Ваша доля вины в той судьбе, что постигла теперь вас вместе с вашими народами, была изложена здесь самым снисходительным и, как мы полагаем, единственно справедливым и правильным образом, и вы не можете пожаловаться на эти речи, если, конечно, вы не желаете слышать от всех только лесть, а никак не правду. Забудем все это, – как и мы все тоже хотим, чтобы наша доля вины была предана забвению. Теперь, как для всех нас, так и для вас, начинается новая жизнь. Пусть только мой голос дойдет до вас через все то ваше окружение, которое обыкновенно делает вас недоступными! Он может сказать вам с гордым самосознанием: вы властвуете народами, верными, восприимчивыми, достойными всякого счастья, какими не властвовали князья ни в какой эпохе и ни у какой нации. Они умеют ценить свободу и способны жить свободно; но они последовали за вами на кровавую войну против того, что казалось им свободой, последовали потому, что вы того желали. Некоторые из вас впоследствии пожелали иначе, и народы последовали за вами на войну, которая должна была казаться им войною за искоренение одного из последних остатков немецкой независимости и самостоятельности; тоже потому, что вы того желали. С тех пор они терпят и сносят тягостное бремя общих бедствий; и они не перестают хранить верность вам, питать к вам искреннюю преданность и привязанность и любить вас, как Богом данных им опекунов. Если бы вы только могли наблюдать за ними неприметно для них самих; если бы вы только могли, освободившись вполне от вашего окружения, которое не всегда представляет вам самую прекрасную сторону человечества, сойти в дом горожанина, в сельскую хижину, и следить спокойным созерцанием за тихой и сокровенной жизнью этих сословий, к которым

удалилась, похоже, та верность и порядочность, которая все реже встречается ныне в жизни высших сословий, – то конечно, о конечно вами овладела бы решимость подумать серьезнее, чем когда-либо прежде, о том, как вы могли бы помочь им. Эти речи предложили вам одно средство подобной помощи, которое они считают средством верным, радикальным и решающим. Пусть ваши советники подскажут вам, считают ли они сами так же точно, или им известно лучшее средство, только средство столь же решительное. Но убеждение в том, что что-то должно быть сделано, и сделано немедленно, и нечто радикальное и решительное, и что время полумер и новых способов тянуть время прошло навсегда, – это убеждение они охотно желали бы создать в вас самих, если бы только могли, потому что они по-прежнему доверяют, более всего, вашей честности.

Эти речи заклиняют вас. немцы, всех вместе, какое бы место ни занимали вы в обществе, чтобы каждый из вас, кто способен думать, подумал прежде всего о предложенном ими предмете, и чтобы каждый сделал для этого то, что ближе всего именно ему, на его месте.

К этим речам присоединяются и заклиняют вас ваши предки. Подумайте, что с моим голосом сливаются голоса ваших праотцов из туманного прошлого, которые своими телами заграждали путь надвигающемуся мировому господству Рима, которые своей кровью завоевали независимость своих гор, равнин и потоков, ставших при вас добычей чужеземцев. Они призывают к вам: замените нас собою, передайте потомкам память о нас такой же почтенной и безупречной, какой вы сами узнали ее и какая дает вам право хвалиться этой нашей славой и вашим происхождением от нас. До сих пор считали, что наше сопротивление было великим, благородным и мудрым, все видели в нас посвященных в тайны, вдохновенных исполнителей божественного провидения. Если иссякнет род наш в вас, то честь наша обратится в позор, а мудрость – в безумие. Ибо если немецким племенам надлежало погибнуть, раствориться в римстве, то лучше бы было нам слиться с древним Римом, чем с новым. Перед древним Римом мы устояли и победили его; а вас новые римляне растоптали в прах. Раз так случилось, вам и не нужно теперь побеждать этих римлян физическим оружием, – только дух ваш должен возвыситься и прямо стоять перед ними. Вам выпала много величайшая судьба – первым положить начало царству духа и разума, и уничтожить всякую грубую физическую власть как властвующее миром начало. Если вы совершите это, то будете достойны своего происхождения от нас.

С моим голосом сливаются и голоса ваших предков позднейшего времени, павших в священной борьбе за свободу религии и веры. Спасите же и нашу честь, – призывают они к вам. Нам не было вполне ясно, за что мы сражаемся; помимо справедливой решимости не позволять внешней власти повелевать нам в делах нашей совести, нами руководил и более высокий дух, который никогда вполне не открылся нам. Вам он открыт, этот дух, если вы способны видеть в духовном мире, и он возвышенным и ясным взглядом смотрит на вас. Пестрая и сумбурная смесь чувственных и духовных мотивов должна быть совершенно свергнута с престола мирового господства, и у кормила человеческих дел должен встать только дух, чистый и обнаженный от всех чувственных побуждений дух. Чтобы этот дух обрел свободу, мог развиваться и возрасти к самостоятельному существованию, – вот за что лилась наша кровь. От вас зависит теперь дать этим жертвам значение и оправдание, утвердив этот дух на предназначенном ему мировом господстве. Если этого не случится, если эта конечная цель, к которой устремлялось до сих пор все развитие нашей нации, не

будет достигнута, тогда и наши битвы превратятся в пустой фарс, прошумевший и забытый, и завоеванная нами свобода совести и свобода духа есть не больше чем пустой звук, если отныне не должно быть более ни духа, не совести.

Вас заклиняют и ваши еще не родившиеся потомки. Вы хвалитесь своими предками, взывают они к вам, и гордо становитесь в их благородный ряд. Позаботьтесь же о том, чтобы эта цепь не прекратилась с вами: сделайте так, чтобы и мы могли похвалиться вами, и благодаря вам, как безупречному связующему звену, встать подобно вам в том же славном ряду. Не допустите же, чтобы нам пришлось стыдиться нашего происхождения от вас, как от низкого, варварского, рабского племени, не пришлось скрывать наше происхождение, или лживо изобретать себе иное имя и иную родословную, чтобы только, узнав о нем, нас не отвергали и не попирали ногами сразу же, без дальнейших разбирательств. Каково будет следующее происходящее от вас поколение, такой же окажется и память о вас в истории: славной, если оно станет славным свидетелем в вашу пользу; и даже сверх всякой меры позорной, если не оставите вы по себе имеющего голос потомства и если победитель станет творить за вас вашу историю. Еще никогда победитель не был достаточно склонен или осведомлен, чтобы суметь справедливо оценить побежденных. Чем более он унижает их, тем справедливее он кажется самому себе. Кто знает, какие великие деяния, какие превосходные учреждения, какие благородные нравы иных народов прежних времен оказались забыты потому, что их потомков поработил другой народ, и этот победитель, не встречая возражения, сообщал о них в истории так, как это соответствовало его целям.

Вас заклиняет даже заграница, если только она хоть самую малость понимает сама себя и еще способна видеть свою настоящую выгоду. Да и среди всех народов еще есть люди, которые не могут поверить, чтобы великие пророчества о царстве права, разума и истины в человечестве оказались тщетны, оказались пустым миражом, и которые полагают поэтому, что нынешний железный век есть лишь переход к лучшему состоянию. Эти люди, а с ними и все новейшее человечество, рассчитывают на вас. Немалая часть этого новейшего человечества происходит от нас, все остальные получили от нас свою религию и всю свою образованность. Одни заклиняют нас общей всем нам землей наших отцов, которая и им была колыбелью, и которую они по доброй воле оставили нам в наследство; другие – образованностью, которую они получили от нас как залог высшего счастья в будущем, – сохранить себя, также и для них и ради них, такими, какими мы были всегда, не дать вырвать из связи вновь возникшего племени это столь важное для него звено; чтобы, если когда-нибудь им понадобится наш совет, наш пример, наше содействие на пути к подлинной цели всей земной жизни, им не пришлось мучительно сожалеть о том, что нас нет рядом с ними.

Все эпохи, все мудрецы и добрые люди, что когда-нибудь дышали на этой земле, все их мысли и смутные предчувствия высшего, вливаются в хор этих голосов и окружают вас, и протягивают к вам умоляющие руки; даже, если можно так сказать, само провидение и божественный промысел в сотворении человеческого рода, который ведь существует лишь затем, чтобы люди мыслили его, и чтобы люди осуществляли его в действительности, заклиняет вас спасти его честь и самое его существование. Будут ли в конце концов правы те, кто думал, что человечество должно становиться все лучше и лучше, и что идеи порядка и достоинства человечности суть не пустые мечты, а пророчество и залог того, что некогда

станет действительностью, – или же правы будут те, кто продолжает дремать в своей животной и растительной жизни и смеется над всякой попыткой воспарить умом в высшие миры; обосновать и вынести окончательное суждение об этом мы предоставим вам. Старый мир, с его величием и славой, как и с его недостатками, ушел в небытие силою собственного своего недостойнства и властью ваших отцов. Если есть истина в том, что было изложено в этих речах, то из всех новейших народов именно в вас всего определеннее заложен задаток усовершенствования человечества, и на вас преимущественно возложено обязательство развивать его. Если вы, с такой существенностью, погибнете, то с вами вместе погибнут навсегда и все надежды целого человечества на спасение из глубины своих бедствий. Не надейтесь только и не утешайтесь тем взятым решительно с потолка, и рассчитывающим на простое повторение прежде бывших случаев, мнением, которое уверяет вас, что во второй раз, когда погибнет старая образованность, на руинах ее возникнет из полуварварской нации новая. В древнее время был уже такой народ, наделенный всем нужным для того, чтобы исполнить это предназначение, и был весьма неплохо известен народу – творцу образованности, и описан им; и сам этот последний, если бы он только мог предположить возможность собственной гибели, мог бы открыть в этом народе средство для своего возрождения⁵⁴. Нам тоже хорошо известна вся поверхность земли, и известны все народы, живущие на ней. Знаем ли мы такой народ, подобный коренному народу нового мира, на который мы могли бы возлагать подобные же ожидания? Думаю, что каждый, кто не склонен просто предаваться фантастическим мнениям и надеждам, должен будет ответить на этот вопрос: нет, не знаем. Поэтому иного исхода нет: если потонете в пучине вы, с вами вместе потонет и все человечество, без всякой надежды когда-нибудь возродиться.

Вот что, почтенное собрание, я хотел и обязан был еще раз настоятельно напомнить Вам, как представителям нации в моих глазах, а через ваше посредство – и всей нации.

Версия #1

Зверобой создал 13 апреля 2025 13:26:43

Зверобой обновил 13 апреля 2025 13:27:10